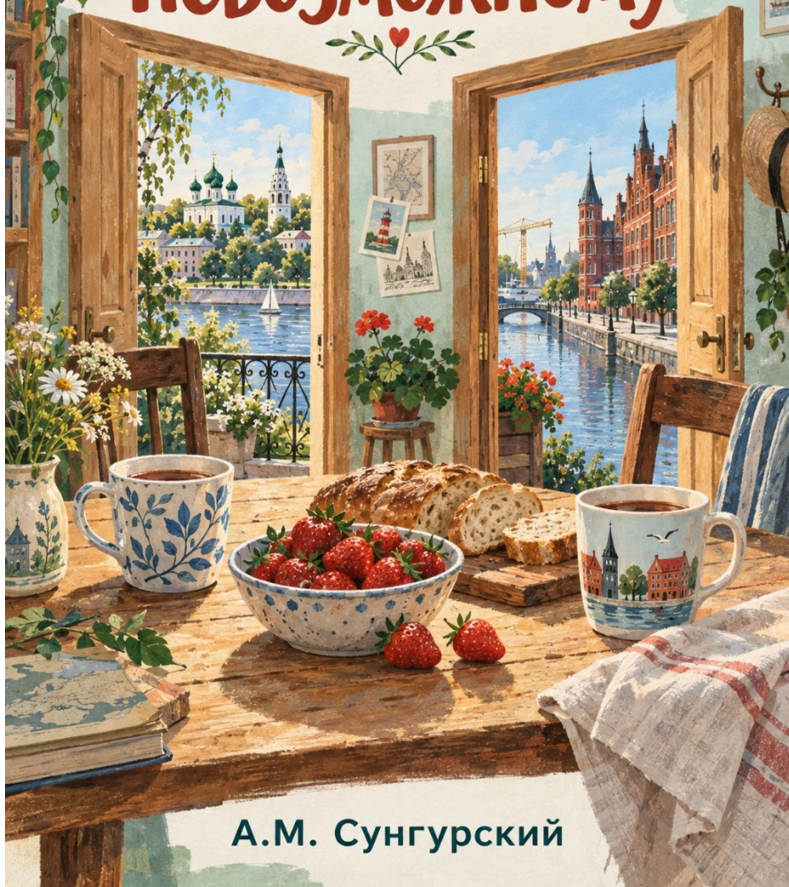

Соседи по Невозможному

А.М. Сунгурский

А.М. Сунгурский

Соседи по невозможному

<https://litres.ru/74611188>

SelfPub; 2026

Аннотация

В понедельник Наталья собиралась выпить кофе и пойти на работу. Но на кухне стоял незнакомый мужчина и жарил сырники. Он утверждал, что кухня принадлежит ему. И самое странное — оба оказались правы.

Наталья живёт в Ярославле, Андрей — в Калининграде. Теперь их квартиры соединяет одна кухня. Можно за несколько шагов попасть в другой город, познакомиться маму с неожиданным соседом и наконец увидеть море, до которого годами не получалось добраться.

А на старом столе обнаруживается надпись: «Рига. Завтрак был прекрасный. Спасибо, что дождались». Похоже, за этим столом уже встречались люди из разных городов. Наталья и Андрей отправляются по их следам — и всё чаще задерживаются за общим завтраком. Пока каждый из них не начинает строить планы, о которых второй ещё ничего не знает.

Содержание

Глава 1. Человек с моей сковородой	4
Глава 2. Вторая дверь	18
Глава 3. Мама пришла в гости	30
Глава 4. Цветы с короткими стеблями	42
Глава 5. Комплектность	54
Глава 6. Море своим ходом	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

А.М. Сунгурский

Соседи по невозможному

Глава 1. Человек с моей сковородой

Мужчина стоял у плиты спиной к Наталье и держал её сковороду.

Во всяком случае, первое возмущение относилось именно к сковороде. Незнакомый человек у плиты — обстоятельство настолько крупное, что сразу за него было не взяться, а сковороду она купила в субботу, долго выбирала и ещё ни разу не использовала.

— Поставьте, — сказала Наталья.

Мужчина обернулся. На нём были серые спортивные брюки, майка с надписью, которую закрывал фартук, и один носок. Второй, свёрнутый комком, лежал на столе рядом с помидорами. Увидев Наталью, мужчина заметно вздрогнул, однако сковороду не уронил. В ней что-то мягко зашипело.

— Сейчас нельзя. Прилипнет.

— Поставьте мою сковороду и выйдите.

Он посмотрел на неё, на сковороду, потом через её плечо. Наталья невольно оглянулась. За спиной был её коридор:

светлые обои, на коврике тапочка носом к стене, раскрытый чемодан, в который со вчерашнего вечера падала одежда из разобранного шкафа. Всё оставалось на месте. Она даже увидела бумажный уголок сметы, которую собиралась вечером проверить, но вместо этого до половины первого смотрела видео, где женщина уверенно укладывала в маленькую сумку вещи на три недели.

Когда Наталья снова повернулась к плите, мужчина уже выключил огонь.

— Вы к кому?

Вот за это она почти рассердилась по-настоящему. До сих пор ей было трудно: тело ожидало испуга, голова упрямо занималась утренними обязанностями. В половине девятого нужно было оказаться на работе, перед этим забрать у матери квитанцию, а кофе здесь, по всей видимости, уже варили без её участия.

— К себе. Если вы от Степана, он не должен был давать вам ключ. И даже если дал, это не приглашение завтракать.

— Какого Степана?

— Который вчера дверь делал.

Мужчина провёл свободной ладонью по лицу, оставив возле виска светлую полосу муки.

— Я дверь делал позавчера. Сам. Степана не знаю.

Он взял телефон со стола. Наталья немедленно отступила на шаг, упёрлась пяткой в порог и вынула свой телефон из кармана халата. Разговаривать через два направленных друг

на друга аппарата оказалось почему-то легче.

— Я вызываю полицию, — сообщила она.

— Хорошая мысль. Давайте.

Он не улыбался. Смотрел скорее озадаченно, чем дерзко; от этого происходящее становилось ещё неприятнее. Наталья нажала на экран, но остановилась, обнаружив, что не может толком назвать случившееся. В её кухне стоял мужчина. Только кухня, если внимательно приглядеться, была не её.

Старая плитка за плитой была жёлтая, с редкими зелёными квадратиками. На её кухне плитка белая, и зимой она собственноручно переклеивала один отставший угол. Исчез холодильник с вмятиной под магнитом из Кисловодска. Вместо него у стены гудел высокий серебристый, без всяких магнитов. Окно стало шире, а за окном, там, где полагалось быть кирпичной стене соседнего корпуса, качались мокрые листья большого дерева.

Наталья снова отступила в коридор. Здесь пахло знакомо: новым лаком и сухой тканью из шкафа. На потолке всё так же горела одна из двух лампочек. Она щёлкнула выключателем, погасила её, включила обратно.

— У меня, — произнесла она наконец, — была другая плитка.

Мужчина подошёл ближе, но остановился у стола. Сковороду он поставил на подставку в виде рыбы. Наталья никогда не покупала подставок в виде рыбы.

— А у меня не было этой двери.

Он показывал не на её новую сосновую створку, а на сам проём. Рядом с ним, со стороны кухни, висел маленький красный дуршлаг. Между дуршлагом и дверью помещалась узкая трещина на штукатурке.

— Здесь стена. Была. Я вчера вечером сидел вон там и смотрел на неё. Потому что там пятно, которое я никак не закрашу. Где-то в этом месте.

Он осторожно вытянул палец к Натальиному коридору, словно проверял, не натянута ли в дверях прозрачная плёнка.

— Не трогайте, — сказала Наталья.

— Я до вас ещё два метра не дотронулся.

— До моей квартиры.

Мужчина убрал руку.

Несколько секунд они стояли неподвижно. Где-то далеко хлопнула обычная дверь, и в Натальином подъезде загремело ведро. Снизу крикнули: «Тамара, тряпку забери!» Этот громкий хозяйственный окрик помог больше, чем могла бы помочь любая разумная фраза. Наталья держалась за него, как за поручень.

— Как вас зовут?

— Андрей.

— Фамилия?

— Седых. А вас?

— Наталья. Шумилова.

— Очень приятно, Наталья Шумилова. Я пока не пони-

маю, что здесь делаю в вашей жизни.

Она посмотрела на сковороду внимательнее. Ручка у неё была другая. На новой Натальиной ручка плавно сужалась, а эта была прямая, стальная, с дыркой на конце. Получалось, даже возмущалась она чужой вещью.

Андрей опустил телефон на стол экраном вверх.

— Давайте сначала вы мне покажете, откуда пришли. Извините, только я тапки надену. Я не полезу к вам. Можно из дверей?

— Из дверей можно.

Он нашёл под стулом тапки, затолкал туда одну босую и одну одетую ногу и приблизился к порогу. Наталья держала между ними примерно столько места, сколько отвела бы крупной незнакомой собаке, хозяин которой уверяет, что та добрая. Андрей посмотрел направо, где была спальня, потом налево, на входную дверь.

— Это у вас первый этаж?

— Третий.

— У меня второй.

— Какая улица?

Он назвал улицу, которой Наталья в Ярославле не знала, хотя один раз составляла смету на ремонт здания почти с таким же адресом. Она переспросила город.

— Калининград, — сказал Андрей.

Наталья засмеялась. Смех вышел короткий, совершенно неподходящий, как чужая запись, включившаяся в телефо-

не. Андрей тоже попытался улыбнуться, но улыбка не удержалась.

— А у вас?

— Ярославль.

На этот раз он посмотрел ей в лицо пристальнее.

— Вы серьёзно?

— Очень. По понедельникам особенно.

Он достал телефон, показал экран с погодой и названием города. Наталья не стала спорить с телефоном. Чужой экран мог показывать что угодно. В её собственном было семь часов восемнадцать минут, в его — шесть восемнадцать. Они молча сравнили цифры, как будто в этих одинаковых минутах содержалась помощь.

Потом Андрей неожиданно пошёл к другой двери, в противоположной стене кухни. Там помещался его коридор: тёмная куртка на крючке, велосипедное колесо, картонная коробка с обувью. Наталья видела этот коридор всё время, но принимала за какое-то продолжение странной комнаты, которое пока можно не учитывать. Теперь пришлось учесть.

— Вот моя входная, — сказал он. — Ключи тут. Если хотите, я первый выйду, вы посмотрите с лестницы. Только халат... Я могу куртку дать.

Наталья одёрнула пояс. Халат был приличный, синий, купленный именно потому, что в нём при необходимости можно открыть сантехнику. Для поездки в Калининград она его не подбирала.

— Отвернитесь. Я оденусь.

— Да я вообще уйду вон туда.

Он отступил в свой коридор, и Наталья закрыла новую дверь.

Несколько мгновений она слушала тишину. Потом быстро открыла обратно. Андрей всё ещё стоял по другую сторону кухни, но теперь держал в руках второй носок. Он замер с ним в нелепо приподнятой руке.

— Проверяю, — объяснила Наталья.

— Я понял.

Она опять закрыла дверь, прошла в спальню и надела джинсы и серую кофту, в которой собиралась сегодня работать. В сумку положила паспорт, ключи, зарядку и зачем-то вчерашнюю квитанцию на дверную ручку. Долго искала очки, прежде чем обнаружила их на носу. В зеркале у шкафа отражалась обычная женщина сорока двух лет: тёмные волосы убранные не очень ровно, под правым глазом след от подушки, губы плотно сомкнуты.

Наталья достала из чемодана светлый шарф и повязала его на шею. Если уж придётся объяснять что-нибудь полиции, пусть хотя бы в шарфе.

Вернувшись, она застала Андрея за перекладыванием еды на тарелку.

— Вы всё-таки продолжаете завтракать?

— Выключенное тоже портится. На улице покажем друг другу, где живём, вернёмся, можно будет есть. Это сырники.

Они у меня первые пробные, предупреждаю.

— Я не спрашивала.

— А я объясняю, чтобы потом не было завышенных ожиданий.

Он уже надел футболку, оба носка и кроссовки. Фар-тук висел на спинке стула. На столе осталось пять небольших сырников; один порвался, выпуская белую середину. Их несовершенство успокаивало. Человек, способный построить между городами проход ради розыгрыша, наверное, умел бы аккуратнее обращаться с творогом.

Из его входной двери они вышли на незнакомую лестницу. Наталья немедленно достала телефон и сфотографировала дверь, хотя не представляла, каким образом фотография поможет найти её обратно. Андрей подождал, потом по-вёл вниз. У окна между этажами стоял кактус в банке из-под краски. На первом этаже пахло чьим-то вчерашним ужином и мокрым камнем.

Снаружи оказался Калининград.

Она не могла бы подтвердить это по одному двору. Кирпичный дом, машины, кусты у низкого забора — всё это могло находиться где угодно. Но воздух был чужой, прохладный, и утренний свет падал не туда, куда привыкло её тело. За углом трещал грузовик. Женщина в зелёном дождевике пыталась удержать зонт под мышкой, одновременно вытаскивая из сумки ключ. Андрей поздоровался с ней.

— Опять рано? — спросила она.

— Сегодня особенно.

Женщина взглянула на Наталью, пожала плечом, отчего зонт чуть не выпал, и пошла в подъезд.

Они дошли до перекрёстка. На доме висела табличка с названием улицы. Наталья прочитала её два раза. Телефон долго думал, потом точка на карте перескочила так далеко, что пришлось уменьшить масштаб. Внизу появилась надпись «Калининград».

Наталья села на край невысокого парапета.

— Я никогда здесь не была.

Андрей стоял рядом, держа в руке ключи. Он уже, кажется, не пытался найти подходящую шутку.

— Я в Ярославле тоже.

— У меня на холодильнике висел магнит.

— С Калининградом?

— С Кисловодском. Просто... холодильник был мой.

Наталья вдруг ясно представила кухню, в которой вчера вечером, ещё до прихода Степана, пила чай: белый стол, пакет с хлебом, две чистые чашки вверх дном на полотенце. Там находились её вещи, продукты, горшок с вечно сохнущим базиликом. Она не хотела получить взамен целый город, если это означало потерять место, где знала каждый ящик.

— Может, всё вернётся, — сказал Андрей и тут же поморщился, словно услышал собственную бесполезность. — Пойдёмте проверим. Я могу у вас... в смысле с вашей сторо-

ны тоже на улицу выйти?

Наталья поднялась. Ей хотелось идти быстро, пока улица не перестала быть дорогой обратно. Андрей не обгонял её и на лестнице пропустил вперёд.

Кухня была на месте. На столе остывали сырники, у холодильника гудел компрессор, а открытая дверь возле красного дуршлага показывала Натальин коридор. Вид её разбросанных вещей чуть не заставил её расплакаться. Она вошла, ладонью коснулась обоев и только после этого поняла, что Андрей остался у порога.

— Можно, — сказала она. — Только обувь снимите.

Он послушно снял кроссовки.

Через несколько минут они стояли во дворе её дома. В Ярославле утро уже набрало силу: с открытого балкона звенела ложечка о чашку, две девочки в одинаковых ветровках ругались из-за самоката. Та самая Тамара несла тряпку через двор. Она заметила Наталью и мужчину рядом, задержала взгляд на его кроссовках и протянула:

— Доброе утро.

В этом пожелании поместилось столько выводов, что Наталья почти позавидовала. Как удобно, наверное, жить в мире, где незнакомый мужчина утром означает ровно то, что означает.

Андрей запрокинул голову, посмотрел на дом, потом медленно повернулся вокруг себя. Наталья ждала его реакции с неожиданным удовольствием. Теперь хотя бы не она одна

была человеком, который не знает, куда деть руки.

— Ну, здравствуйте, — сказал он городу.

— Довольно странный способ приехать.

— Зато без багажа. И я уже знаю одно место, где кормят.

— Плохо лепят сырники.

— Там повар волновался.

Они невольно улыбнулись друг другу, но коротко, осторожно. Наталья первой отвела глаза и пошла к подъезду. На всякий случай она ещё раз повторила про себя его фамилию: Седых.

Наверх они поднялись вместе. Наталья взяла телефон и позвонила Степану. Тот ответил сонным голосом, уверенно заявил, что старые рамы крепче новых, и спросил, не повело ли верх.

— Нет, верх не повело, — сказала Наталья, глядя на кухню. — Просто за дверью другое помещение.

— В смысле?

— В прямом.

Степан помолчал.

— Наталья, я вам откосы не трогал. Там всё ваше. Вы же сами просили сохранить широкую коробку. Помните?

Она помнила. Старый дверной оклад из очищенного дерева ей понравился ещё на фотографии. Продавец обещал, что он переживёт дом; Степан ворчал на подгонку, но вчера вечером установил недостающую верхнюю вставку и сказал: «Теперь хоть на сто лет». Сосновая створка была новая, рама

старая. Наталья хотела всего лишь заменить перекошенную дверь.

— А откуда она? — спросила она.

— Рама? Вы же её покупали.

— Да. Простите.

Она закончила разговор. Андрей стоял рядом, разглядывая её раму, тёмную под светлой створкой, и касался пальцем подбородка.

— У меня тоже старая, — сказал он. — Я её в кладовке нашёл, когда въехал. Думал, выбросить. Потом отчистил.

— Куда поставили?

— В кухню. В мой проход. В субботу закончил.

Они повернулись к противоположной двери. Её рама была точно такого же медового цвета. До сих пор Наталья не обращала внимания на дерево: огромные вещи, как выяснилось, отлично прячутся среди самых обычных.

Из телефона раздалось бодрое треньканье. Напоминание сообщало: «Мама. Квитанция». Было без десяти восемь.

— Мне на работу, — сказала Наталья.

Андрей посмотрел на неё с таким удивлением, будто работу придумали только что и исключительно для порчи утра.

— Конечно. Мне тоже. Но что мы... как оставим?

Она оглядела две двери, стол и его руки с белым мучным следом под ногтём. Наверное, следовало потребовать, чтобы он ушёл из кухни, пока она не вернётся. Только это была его кухня. На вопрос, что полагается делать с человеком, живу-

щим у тебя за стеной в другом городе, у Натальи не было готового ответа.

— Телефон дайте. Номер, я имею в виду.

Они обменялись номерами. Андрей подписал её «Наталья. Ярославль». Она увидела и сказала, что можно просто «Наталья»: других у него, вероятно, не столько, чтобы путать по городам.

— Три, — ответил он. — Но вы единственная с отдельным входом.

Наталья записала: «Андрей, кухня».

Затем она вернулась в спальню за сумкой, проверила окна и, сама не понимая почему, поправила одеяло. На пути к выходу остановилась у нового проёма. Андрей стоял за столом и уже собирался убрать тарелку.

— Один оставьте, — сказала она.

— Сырник?

— Да. Я ведь так и не позавтракала.

Он подвинул к ней тарелку. Она взяла самый целый, откусила и удивилась тёплой середине: снаружи всё уже остыло, а внутри сохранилось утро, которое он начал до её появления. Сырник был чуть солонее привычного, с тонкой лимонной коркой. Наталья доела его стоя, подставляя ладонь под крошки.

— Не первый пробный, — заметила она.

— По этому рецепту первый.

— Так честнее.

Она вытерла пальцы бумажным полотенцем, закрыла дверь со своей стороны и провернула маленькую защёлку. Дверь держалась. Нельзя было знать, достаточно ли этого, но сейчас Наталья нуждалась хотя бы в таком маленьком, понятном действии.

На улице она вспомнила о квитанции и свернула к матери. В сумке лежал паспорт, на шарфе осталась крошка. Телефон коротко звякнул.

«Сырники убрал в холодильник. Чужую дверь не открываю. Андрей».

Наталья остановилась возле знакомой пекарни и набрала: «Мой йогурт случайно не появился?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Нет. А какой?»

Она прочла вопрос и неожиданно засмеялась — уже нормально, так, что женщина, выносившая из пекарни поднос, улыбнулась ей в ответ.

Глава 2. Вторая дверь

Андрей дождался, пока за сосновой дверью стихнут шаги, и попробовал подойти к ней сбоку.

Если смотреть прямо, там была дверь. Если прижаться плечом к стене и посмотреть вдоль штукатурки, дверь тоже никуда не девалась. Красный дуршлаг висел на прежнем крючке, но пятно, которое он дважды пытался закрасить, исчезло. Андрей снял дуршлаг, заглянул за него и повесил обратно. Пятна не было и там.

Он мог бы сфотографировать дверь и отправить кому-нибудь. Сестре, например. Оксана наверняка сразу задала бы вопрос, на который у него не найдётся ответа. «Ты зачем это купил?» — вот с чего она обычно начинала, когда он показывал что-нибудь новое. В прошлом месяце он приобрёл тяжёлую чугунную форму для вафель, которая не подходила ни к одной из его плит, и сестра до сих пор здоровалась с ним словами: «Вафли готовы?»

С дверью он решил пока подождать.

Сперва Андрей убрал сырники. Потом налил кофе и сел так, чтобы новый проём всё время оставался перед глазами. Дверь не шевелилась, не светила, не издавала звуков. Самым необычным в ней было то, что она выглядела немного хуже остальной кухни: необработанный край возле нижней петли, слишком новая блестящая ручка, медовая рама, ко-

торой явно было столько лет, что она могла бы пренебрегать такой ручкой.

Со своей рамой он возился две недели. Квартира досталась ему от тётки, которая теперь жила у дочери в Советске и раз в месяц спрашивала, не выбросил ли он сервант. Сервант он не выбросил: отдал соседке на первом этаже. Тётка считала это допустимой разновидностью хранения. В кладовке за коробками лежал разобранный дверной оклад, а на кухне стоял старый стол, до которого она никому не разрешала дотрагиваться наждачной бумагой. «Он хороший, просто тёмный», — говорила она.

Андрей отчистил раму, потому что ей нашлось место. У стандартной коробки повело бок, и створка задевала пол. Старое дерево оказалось плотным, тяжёлым, сохранившим сладковатый запах даже под пылью. Верхняя вставка обнаружилась отдельно, завёрнутая в полотенце. Он два вечера подгонял её, боясь расколоть, а в субботу поставил на место. В результате обычная кухня стала выглядеть так, будто в ней некогда подавали обеды по приглашениям.

Теперь приглашение было исполнено неизвестно кем.

В половине восьмого Андрей позвонил тётке. Она ответила сразу, но на заднем плане лилась музыка.

— Ты чего так рано? — спросила она.

— У тебя же зарядка.

— У меня теперь танцы. Зарядка была, когда мы жили скучно. Что случилось?

— Я раму поставил.

— Молодец.

— Ту, старую. Из кладовки. Откуда она у тебя?

Тётка отвлеклась, кому-то сказала, что голубые туфли ей натирают, затем вернулась к телефону.

— От Бориса. Когда мы сюда переезжали, он весь фургон набил. Потом думали на дачу отвезти. А что?

— Красивое дерево. Интересно стало.

— Вот и радуйся. Стол не шкурь.

— Про стол я не спрашивал.

— Предупредила. Мне пора, Андрей. Вера Павловна уже косится.

Связь оборвалась. Двоюродный тёткин брат Борис жил под Черняховском, чинил мебель и любил уезжать на рыбалку, не сообщая никому, когда вернётся. Андрей нашёл его номер, написал вопрос и получил один серый значок отправки.

Он взял хлеб, положил сверху холодный сырник и съел у мойки. В дневную смену нужно было прийти к десяти. Думать о дверях на пустой желудок было неудобно, а красивый завтрак он уже упустил.

Перед уходом Андрей постоял у сосновой створки. Хотел проверить защёлку с другой стороны, но вспомнил Натальино лицо, когда он протянул руку в её коридор. Убрал пальцы, даже не коснувшись ручки, и вышел через собственную дверь.

На работе ничего удивительного не происходило, что в первый час раздражало, а потом стало помогать. Поставщик привёз слишком мягкие помидоры. На мойке опять подкапывал кран. Данила, молодой повар, нашёл в интернете новый способ подавать картофель и пытался вырезать из него спирали, пока старшая смены не отняла нож. Андрей распределил помидоры в соус, подтянул рукой гайку под краном и сказал Даниле, что для начала достаточно приготовить картофель, который не стыдно съесть.

— Вы сегодня строгий, — заметил тот.

— Сегодня я даже очень добрый.

К полудню Андрей перестал поглядывать на телефон каждую минуту. Пришла фотография от Оксаны: светлая комната с двумя большими окнами и непривлекательным квадратом на стене. Подпись: «Помещение. Семь месяцев аренды минимум. Посмотрим завтра?»

Он увеличил фотографию. У окна помещались бы три столика; в глубине можно было поставить витрину с цветами и небольшой холодильник. Квадрат на стене, вероятно, остался от снятого шкафа. Андрей представил людей, которые заходят за букетом, замечают запах хлеба и остаются пообедать. Собственное маленькое место, где не приходится убеждать хозяина, что суп не обязан быть одинаковым весь год.

«Посмотрим», — ответил он.

Про новую дверь Андрей написал следом: «Мне тоже есть

что показать». Прежде чем отправить, прочёл ещё раз и стёр. Сестра не любила сюрпризы, особенно когда им требовались вложения.

В три часа позвонила Наталья. Он отошёл к чёрному выходу, где пахло мокрыми ящиками и укропом.

— Вы дома? — спросила она.

— Нет, на работе.

— А дверь?

— Стояла, когда я уходил.

На другом конце она выдохнула. Ему показалось, что весь день она, как и он, ждала, когда кто-нибудь скажет: всё кончилось, можно дальше.

— Мне нужно попасть к себе на кухню, — сказала она.

— Там продукты. И кошелёк в верхнем ящике. Я вчера положила, пока Степану платила.

— Вам денег перевести?

— У меня есть карта. Мне кошелёк нужен. И базилик.

— Базилик?

— Его полить надо.

Андрей хотел пошутить, но передумал.

— Я в шесть буду. По моим. У вас семь. Вместе посмотрим.

— Вы кухню никуда не унесёте до этого?

— Я сегодня без машины.

Она тихо хмыкнула и попрощалась.

Остаток смены Андрей провёл легче. Кому-то ещё было

важно, чтобы эта нелепая дверь сохранялась до вечера, и это каким-то образом освобождало его от необходимости немедленно всё понять. Он отработал, купил по дороге маленькую упаковку йогурта без добавок, подумал и взял ещё одну, клубничную. Наталья так и не ответила, какой исчез у неё.

Дома он сперва заглянул на кухню. Сосновая дверь была закрыта. На её ручке с его стороны висел пакет — тот самый, белый, в котором он обычно приносил зелень. Андрей подошёл: внутри лежала записка.

«Пакет взяла со стула. Не стучала, вы на работе. В восемь по моим часам смогу. Н.»

Ниже было дописано: «Нашла батарейку. Спасибо, что не вошли».

Он не понимал, о какой батарейке речь, но радовался уже самой записке. Значит, она открывала дверь и ничего не случилось. Взяв листок, Андрей обнаружил на обороте часть старой сметы с очень мелкими цифрами. Никакой другой бумаги у Натальи, видимо, не оказалось.

До встречи оставался час. Андрей вымыл пол, убрал пакет с мукой, поправил фартук на крючке и впервые за много месяцев протёр нижнюю часть холодильника. Потом рассердился на себя за уборку и сел прямо на кухонный стол, что тётка запрещала с его детства.

Из-за этого он едва не пропустил звук. В раме собственного прохода что-то тихо щёлкнуло. Андрей поднял голову. Верхняя вставка отошла от дерева на толщину ногтя; кажет-

ся, он недостаточно плотно посадил крепление. Он взял табурет, поставил под рамой и потянулся наверх.

В тот самый момент Наталья открыла свою дверь.

— Только не падайте, — сказала она вместо приветствия.

— Не собираюсь. Вот эта штука... Сейчас.

Он надавил на вставку, но она, вместо того чтобы встать на место, вышла у него в ладонь. Деревянная планка была короткая, тяжёлая, с потемневшим полукругом возле края. Андрей успел подумать, что перепутал направление, а потом кухня стала тише.

Он посмотрел к Натальиной двери.

Там была стена.

Красный дуршлаг висел рядом с пятном, точно там, где висел вчера. Ни ручки, ни светлого дерева, ни Натальи. Андрей соскочил с табурета, едва не ударился коленом о стол и прижал ладонь к штукатурке.

— Наталья!

На обычную стену крик действовал плохо. Он уже схватил телефон, когда тот зазвонил.

— У меня кухня вернулась, — сказала она. Голос был очень близкий и совсем не кухонный: телефон искажал его сильнее, чем сотни километров между дверями. — Я стою в коридоре. А вы где?

— У себя. Планку снял.

— Не ставьте пока.

— Почему?

— Подождите, пожалуйста.

В трубке зашуршал пакет, потом хлопнула дверца холодильника. Андрей стоял у табурета с планкой в руке, не решаясь ни двинуться, ни рассматривать её. Ему хотелось немедленно вернуть всё на место. С другой стороны, Наталья говорила спокойно. Где-то у неё включилась вода.

— Всё, — произнесла она наконец. — Я вышла. Можно.

— А вы точно?.. В коридоре?

— В коридоре. Кошелёк и продукты забрала. Ставьте.

Он вернулся на табурет, приложил планку, на этот раз внимательно совместив выступ с пазом, и надавил ладонью. Дерево вошло с сухим коротким щелчком.

Наталья появилась на пороге с двумя сумками и горшком базилика под мышкой. Дверь уже была открыта: она, наверное, не закрывала её, когда всё изменилось. Андрей медленно опустился на пол.

— Вы это видели? — спросил он.

— Я больше слушала, не упадёте ли вы.

В её левой сумке звякнула банка. Наталья поставила базилик на стол; на листьях дрожали капли, и одна упала на старое дерево.

— Это вода. Не кислота, — сказала она, заметив его взгляд.

— Я не поэтому. Я на растение смотрю.

— Оно всегда такое.

Базилик выглядел человеком, которого разбудили слиш-

ком рано и заставили участвовать в общественном мероприятии.

Андрей отодвинул табурет и предложил ей сесть. Сам сел напротив. Какое-то время они молчали, глядя на две совершенно обычные сумки. Затем Наталья вынула йогурт — клубничный, в точности такой, какой лежал теперь у него в холодильнике.

— Теперь их у нас три, — сказал Андрей.

Он показал покупки. Наталья сначала удивилась, потом стала смеяться, прикрывая лицо ладонью. Смех оказался заразительным. Андрей засмеялся тоже, и они не могли остановиться, хотя вся шутка заключалась в двух лишних йогуртах.

Наконец она вытерла уголки глаз и спросила:

— Повторим? Только теперь по-человечески.

Они договорились: Наталья останется у себя в коридоре и будет говорить по телефону; Андрей снимет планку. Горшок останется на столе. Затем она занесёт на свою кухню чашку, оставит там и выйдет. Андрей вернёт вставку. Никто не станет проходить в момент изменения.

Второй раз он снимал дерево медленно, удерживая его двумя руками. Пятно появилось сразу. В трубке Наталья сказала: «Да, моя». Послышались её шаги, звон чашки, затем: «Я вернулась». Когда Андрей поставил вставку обратно, на кухне снова возник светлый прямоугольник, а базилик остался на столе, точно где стоял. Наталья вошла без чашки.

— Она там, — сказала она. — На моём столе. Не перенеслась.

Они провели ещё одну проверку с выключенным чайником. Теперь Наталья снимала свою верхнюю вставку, а Андрей стоял возле плиты и говорил с ней по телефону. Результат оказался тем же. Его кухня не менялась, исчезал только её проход. За пятном не слышалось ни воды, ни шагов.

— Так мы можем закрывать, — сказала Наталья, когда дверь вернулась.

— Можем.

Оба посмотрели на табурет. Теперь достаточно было встать на него, снять небольшую деталь, и странное утро превратилось бы в воспоминание, которое можно никому не рассказывать. Андрей даже представил, как будет убирать табурет обратно в угол, мыть тарелку, звонить сестре насчёт помещения. Ему стало обидно заранее, так сильно, что он устался на базилик.

— Я его возле окна поставлю? — спросил он.

— Если можно. У вас светлее.

Он взял горшок. Земля ещё была влажная, и пальцы оставили тёмный след на белой керамике. Наталья достала из сумки хлеб и сыр.

— А вы ужинали?

— На работе.

— Я тоже ела. Но это было давно.

Андрей достал сковороду, ту самую, из-за которой она

утром велела ему выйти. Хлеб нарезала Наталья: ровными ломтями, одинаковой толщины. Он решил пока не говорить ей, что для горячих бутербродов лучше чуть толще. Положил сыр, прикрыл крышкой и убавил огонь.

— Батарейку для чего нашли? — спросил он.

— Для звонка. Дверного. Он беспроводной. Кнопка будет у вас, сам звонок у меня. Я принесла, но утром думала, что села батарейка.

Она достала маленькую белую кнопку. Андрей взял её, нажал, и из Натальиногo коридора донеслась мелодия, подозрительно похожая на начало новогодней песни.

Наталья смутилась.

— Там можно переключить.

— Зачем? Будет понятно, кто пришёл.

Она всё-таки переключила на обычные два коротких звука. Они попробовали ещё раз. Работало.

Когда сыр растаял, Андрей положил бутерброды на тарелки. Наталья оставила один себе, другой подвинула ему.

— До завтра не закрываем? — спросила она, глядя на верхнюю вставку.

— Давайте до завтра.

За окном качались листья. На новой двери висела белая кнопка, прикреплённая полоской двусторонней ленты, а возле неё ещё сохранилась тонкая трещина. Андрей ел свой бутерброд, стараясь не обжечь небо, и слушал, как Наталья рассказывает про мать, которая с утра так и не смогла найти

нужную квитанцию, зато вручила дочери банку абрикосового варенья.

Глава 3. Мама пришла в гости

Во вторник Наталья дважды попросила Любу повторить вопрос, а в третий раз ответила так уверенно и невпопад, что Люба сняла очки.

— Ты где?

— Здесь.

— А мне кажется, где-то у моря. Я спрашиваю про ведомость дверных блоков, а ты говоришь: «Если вынуть верхнюю».

Наталья посмотрела на экран. Там действительно была ведомость, которую они готовили для переоборудования маленького гостиничного корпуса. В строке сорок семь стоял размер проёма, и она уже несколько минут мысленно прикладывала к нему Андрееву раму.

— Плохо спала.

— Соседи?

— Можно так сказать.

Люба вернула очки на место. Ей хотелось получить готовую ведомость до обеда, и обсуждение Натальиных соседей в её планы не входило.

— Тогда так: до двенадцати ты возвращаешься с моря, а потом мы делаем второй этаж. Там у них две двери в одну стену не помещаются. Обычные две двери, Наташ. Не думай долго.

Наталья кивнула и открыла чертёж. Работа постепенно собралась в знакомую последовательность. Пропавшее на плане расстояние нашлось в приложении; лишнюю позицию удалили; у Любы перестал дёргаться левый угол рта. К обеду они отправили файл и вышли за кофе.

У киоска стоял мужчина с чемоданом. Он удерживал крышку бумажного стакана подбородком и пытался убрать билет в карман. Наталья посмотрела на колёса его чемодана с завистью. Каждое колесо было пыльным, одно скрипело. Человек куда-то приехал обычным способом и теперь знал, куда дальше идти.

— Я в субботу еду смотреть корпус, — сказала Люба. — Тот, за Рыбинском. Хочешь со мной? Хозяйка просит на месте несколько вещей посчитать. Отдельная работа, отдельно оплачивается.

— В эту?

— Нет, пока не в эту. Через пару недель. Сначала они должны всё измерить. Я тебе скажу.

Наталья почти ответила привычное «посмотрим», но придержала стакан обеими руками и сказала:

— Хочу. Только точную дату заранее.

— Дату дам. У тебя свидание?

— Нет.

Слишком быстро получилось.

Люба рассмеялась и больше не спрашивала. Наталья была ей благодарна за эту редкую способность — заметить лишнее

и оставить человеку возможность не объяснять.

После работы она зашла в магазин за кофе. Рука уже потянулась к привычной маленькой пачке, но Наталья вспомнила большой Андреев чайник и взяла другую, вдвое больше. У кассы переложила обратно. Потом опять взяла большую. Кассирша дождалась окончания борьбы и молча пробила покупку.

По дороге домой позвонила мать.

— Я возле тебя. Ты скоро?

— Минут через двадцать. Что случилось?

— Ничего. Шла мимо. У меня черешня.

С черешней спорить было трудно. Наталья сказала, чтобы мать заходила: запасные ключи у неё давно были. Потом остановилась посреди тротуара.

— Мама, только на кухню не ходи.

— Что там?

— Дверь ремонтировали. Я приду — объясню.

— Я же не буду ею хлопать.

Связь прервалась. Наталья немедленно позвонила Андрею. Он ответил на фоне чужих голосов.

— Я с Оксаной, помещение смотрим. Что?

— Сейчас придёт моя мама. Я её пустила, а потом вспомнила.

— Дверь закрыта?

— На защёлку. Но она с моей стороны.

Андрей помолчал.

— Я туда минут через сорок. Что сказать?

— Ничего. Я раньше буду. Просто если вдруг... Она Роза Аркадьевна.

— Записал.

Наталья ускорила шаг. Можно было звонить матери ещё раз, но тогда та точно поняла бы, что происходит что-то, требующее немедленного осмотра. И без того слова «не ходи» в их семье редко действовали в пользу говорящего.

В квартире было тихо. Из спальни доносилось шуршание: мать разбирала большой пакет и складывала на кровати купленные полотенца. Наталья на секунду прислонилась к косяку от облегчения.

— Зачем столько?

— Там были хорошие. Одно мне, одно тебе, одно Лиде. Ты чего вспотела?

— Быстро шла.

Роза Аркадьевна вынула светло-зелёное полотенце, потрясла его за уголки и приложила к дочери, словно платье.

— Тебе идёт.

— Оно для ванной.

— В ванной тоже кому-нибудь должно идти.

Наталья взяла полотенце, отнесла в комнату и вернулась к матери. Та уже смотрела на запертую кухонную дверь.

— А что там делали? Снаружи как было.

— Раму меняли. Вернее, старую ставили вместо другой старой.

— Ты объясняешь, как мастер, который хочет получить ещё денег.

Наталья подержала руку на защёлке. Самый простой путь состоял в том, чтобы снять верхнюю вставку. Вернулась бы её обычная кухня с пустым столом, чашкой и холодильником, мать вымыла бы черешню, они попили бы чай. Но для этого пришлось бы сначала поставить табурет, лезть наверх и объяснять, зачем позавчерашний ремонт уже разбирают.

— Мам, там сейчас немного иначе, — сказала она.

Роза Аркадьевна ждала.

— Очень иначе.

— Ну открывай. Я за ремонт тебя ругать не буду, тебе срок два года.

Наталья отодвинула защёлку.

Мать шагнула на кухню, огляделась и остановилась возле стола. Потом посмотрела на окно. Наталья стояла у неё за спиной и остро чувствовала всю нелепость своего положения: взрослая женщина, имеющая работу и банковский вклад, не могла толком объяснить матери, куда делась плитка.

— Ты давно это сделала? — спросила Роза Аркадьевна.

— Вчера обнаружила.

— Наташа.

— Я серьёзно. Это кухня другого человека.

Мать опять огляделась. У окна стоял Натальин базилик. Она узнала его сразу, потрогала свисающий лист и сказала:

— Здесь ему лучше.

— Я тоже заметила.

— А человек где?

— Скоро придёт.

Теперь Роза Аркадьевна смотрела на дочь так, как не смотрела со времени развода. Без упрёка, но с осторожностью: слишком много неизвестного возникло разом, и она не хотела испортить первое объяснение.

Наталья выложила всё, что знала. Про сырники, две улицы, разницу в час, планки, вернувшийся кошелёк. Рассказ получился длиннее самих событий. Мать слушала, то и дело поворачивая голову к противоположной двери. Когда дочь закончила, Роза Аркадьевна сняла сумку с плеча.

— Давай посмотрим.

— Что?

— Твою кухню. Как ты говоришь.

Они вернулись в коридор. Наталья принесла табурет из комнаты, встала на него и сняла вставку. Обычная белая кухня оказалась перед ними так внезапно, что мать прижала пакет с черешней к груди.

— Ах ты, — сказала она.

Больше ничего. Ни спора, ни призывов успокоиться, ни длинного объяснения. Она вошла, открыла холодильник, увидела пустую полку и вернулась обратно. Наталья поставила вставку на место. Снова появились старый стол и широкое чужое окно.

Роза Аркадьевна села на табурет, который дочь только что отодвинула к стене. Посидела, разглаживая ручки пакета.

— Я думала, ты мне сообщаем, что съехала.

— Я ещё никуда не ехала.

— В том и дело.

Они посмотрели друг на друга и обе засмеялись. Мать смеялась негромко, часто вдыхая, а Наталья всё никак не могла усесться: то поправляла табурет, то убирала со стола пустой пакет.

В коридоре Андрея щёлкнул замок. Роза Аркадьевна немедленно выпрямилась, взяла черешню и пошла к мойке.

— Здравствуйте, — сказал Андрей с порога. — Роза Аркадьевна?

— Да. А вы, значит, Андрей.

— Значит.

— Я ягоды принесла. У вас дуршлаг вон там, можно?

— Конечно.

Он посмотрел на Наталью. Она пожала плечами: всё, как видите, идёт своим ходом. Андрей вымыл руки и начал доставать чашки. Мать наблюдала за ним с деловым вниманием, отмечая, вероятно, не столько самого мужчину, сколько его пригодность к текущему чуду.

— Вы давно здесь живёте?

— Четвёртый год.

— Один?

— Мам, — сказала Наталья.

— Я про кухню спрашиваю. Вдруг ещё люди придут, а ягод мало.

— Один, — ответил Андрей. — Сегодня нас трое. Если никто больше не построит дверь.

Он произнёс это легко, но тут же посмотрел на стены, и Наталья поняла, что мысль его не только веселит. Роза Аркадьевна подставила дуршлаг под воду.

— А из этой двери улица далеко?

— Один лестничный пролёт и ещё один. Хотите посмотреть?

Мать хотела. Она вытерла руки, поправила волосы и потребовала, чтобы дочь взяла шарф: непонятно, какой там ветер. Наталья вернулась за шарфом в квартиру, поймала в зеркале собственное лицо и покачала головой. На дворе был июнь, она только что прошла с полкилометра, но для матери другой город по-прежнему требовал дополнительной одежды.

Выйдя наружу, Роза Аркадьевна долго молчала. Возле подъезда Андрей представил ей ту самую женщину с зонтом; теперь зонт был закрыт, женщина тащила маленькую тележку. Её звали Зинаида Петровна. Она посмотрела на мать, на дочь, на Андрея и спросила, надолго ли гости.

— Пока ещё решаем, — ответила Роза Аркадьевна.

Это звучало настолько естественно, что Наталья перестала нервничать.

Они прошли до ближайшего сквера. Мать села на скамей-

ку, вынула телефон и попросила Андрея сфотографировать их вдвоём. Наталья встала рядом, но Роза Аркадьевна потянула её вниз за рукав.

— Сядь. Ты как сопровождающая.

Андрей сделал несколько снимков. На первом Наталья закрыла глаза, на втором мать что-то говорила, на третьем обе смотрели в объектив и улыбались так неуверенно, что этот снимок Роза Аркадьевна сразу выбрала.

— Отправлю Лиде, — сказала она.

— Только не рассказывай пока про дверь, — попросила Наталья.

Мать нахмурилась.

— Почему?

— Я сама ещё ничего не понимаю. И Андрей... Это его дом. Не хочу, чтобы сюда пришли смотреть как в музей.

Роза Аркадьевна перевела взгляд на Андрея. Тот кивнул.

— Я тоже пока не готов выдавать билеты.

— Хорошо. Напишу, что гуляем. Это правда.

Она набрала сообщение, отправила фотографию и убрала телефон. Наталья вдруг поняла, что весь день ждала именно такой реакции — чтобы человек увидел и не потребовал превратить увиденное в грандиозное дело.

На обратном пути мать задержалась у витрины с обувью. Пока она рассматривала туфли, Андрей негромко спросил, как прошёл день.

— Исправляла двери, — ответила Наталья. — На черте-

же. А ты?

Слово «ты» выскочило само. Она заметила его поздно, когда уже нечего было поправлять. Андрей не сделал вид, что не услышал, но и торжествовать не стал.

— Смотрели с сестрой помещение. Хорошее, если забыть о цене, вентиляции и хозяине.

— Тогда хорошее вообще всё.

— Вот и я ей так сказал. Только она не согласилась.

Он улыбнулся, и Наталья впервые разглядела маленькую кривую полоску над его бровью. Вероятно, старый шрам. Спрашивать было рано, но уже хотелось.

Ужин готовили втроём. Роза Аркадьевна чистила черешню от черенков и рассказывала о своей знакомой, которая в любой поездке первым делом покупала ножницы. Андрей ставил воду для макарон, Наталья резала помидоры. Она брала нож осторожно, привыкая к чужой рукоятке. Мать заметила это и пододвинула доску поближе.

За столом они говорили о поездках, которые не состоялись. Однажды Наталья купила билеты в Казань, потом на работе сдвинули срок, и она сдала их в последний вечер. В другой раз собиралась на море с приятельницей, но та вышла замуж и выбрала медовый месяц. Андрей признался, что живёт недалеко от моря, а в прошлом году выбрался туда всего два раза, причём один был по работе.

— Это уже талант, — сказала Роза Аркадьевна. — Уметь так не успевать.

Мать потянулась за сыром.

— Я в пятницу еду в Кострому с нашей группой. На день. Не звони утром, в автобусе не услышу.

— Ты не говорила.

— Я сейчас говорю. У меня тоже новости бывают.

На столе лежали черешневые косточки, завернутые в салфетку. Наталья сдвинула их к своей тарелке, освобождая матери место для чашки. Андрей положил перед Розой Аркадьевной ещё немного макарон, хотя та уверяла, что наелась.

Когда мать собралась уходить, она неожиданно попросила показать верхнюю вставку ещё раз. Наталья принесла табурет, но Роза Аркадьевна остановила её:

— Не снимай. Просто там рисунок какой-то.

Наталья встала повыше. На потемневшем дереве виднелся полукруг, а рядом — три маленьких вдавленных точки. Утром она не заметила их. Андрей подошёл с фонариком, посветил сбоку.

— На моей тоже есть, — сказал он. — Я, когда снимал, видел дугу.

Они посмотрели вторую раму. Здесь знак оказался таким же, только одна из точек почти скрывалась под остатками старой краски.

— Метили, чтобы не перепутать, — предположила мать. — У моего отца так полки были помечены. Правда, без художеств.

Она ушла в Ярославль через Натальин коридор, пообещав

по дороге занести Лиде полотенце. Уже из прихожей крикнула:

— Наташа, только поставь у себя стул! А то каждый раз эту табуретку через всю квартиру таскать.

Наталя проводила её до двери и вернулась на кухню. Андрей фотографировал знак на раме, подсвечивая его телефоном. На столе осталась одна тарелка с черешней. Она взяла ягоду, откусила и спросила:

— Сестре расскажешь?

— Теперь да. Не хочу, чтобы она узнала случайно.

— Можно завтра. Я буду дома.

Он опустил телефон.

— Ты не против?

— Она ведь твоя сестра.

— Этого иногда недостаточно.

Наталя посмотрела в свой коридор, где только что исчезла мать. На вешалке остался пакет с полотенцем для Лиды. Придётся звонить и возвращать её с лестницы. Наталя взяла ещё одну черешню и положила перед Андреем.

— Завтра приходи с ней. Я куплю что-нибудь к чаю.

Глава 4. Цветы с короткими стеблями

Оксана принесла цветы в жестяной банке из-под печенья. Стебли были короткие, венчики смотрели в разные стороны, и Андрей сразу понял: это остатки заказа, которым сестра не дала пропасть.

— Они не для тебя, — сказала она, прежде чем он успел поблагодарить. — Ты обещал познакомить.

— Я и знакомлю. Только сначала кое-что покажу.

— Андрей, я после двух свадебных обсуждений. Один жених хочет чёрные розы, другая невеста просит, чтобы цветы не были слишком похожи на цветы. Покажи быстро.

Он пропустил сестру на кухню и не стал говорить ничего. Оксана остановилась посреди комнаты, посмотрела на новую дверь и перевела взгляд обратно.

— Ты пробил стену?

— Нет.

— Согласовал?

— Я её не пробивал.

— Тогда откуда?

Андрей нажал белую кнопку. За дверью прозвучали два коротких сигнала, и почти сразу показалась Наталья с тарелкой печенья. Она вымыла волосы, и они лежали на пле-

чах свободнее, чем вчера. Андрей отметил это прежде, чем вспомнил о сестре.

— Здравствуйте, — сказала Наталья. — Вы Оксана?

— Да. А вы... соседка?

Наталья посмотрела на Андрея. Он виновато развёл руками.

— Не успел.

— Выглядит так, будто очень не успел, — заметила она и поставила печенье на стол.

Разговор занял двадцать минут, ещё десять ушло на выход во двор Ярославля. Оксана весь путь держала жестяную банку в руках. В конце концов Наталья предложила поставить её у себя в прихожей, и сестра Андрея отказалась с такой решительностью, словно банка была единственной вещью, способной подтвердить: всё это происходит с ней лично.

Во дворе Оксана подошла к табличке у подъезда, прочитала название улицы, отступила и сфотографировала дом. Потом набрала номер и попросила кого-то открыть карту с её геолокацией. Выслушала, коротко сказала «спасибо» и закончила разговор.

— Правда, — произнесла она наконец.

— Правда, — ответил Андрей.

Оксана повернулась к Наталье.

— Это ваше жильё?

— Моё.

— А дверь можно закрыть?

— Можно. И совсем отключить тоже.

— Хорошо.

Сестра задала ещё два вопроса о том, кто уже знает, и только потом спросила, как они познакомились. Наталья рассказала про сковороду. Оксана посмотрела на брата и неожиданно улыбнулась.

— Он в детстве приходил к соседям завтракать, если у нас была овсянка. Нашёл способ не ходить по лестнице.

Андрей собирался возразить, что овсянка ни при чём, но не стал. Наталья смеялась, придерживая волосы, и ему нравилось, что сестра дала ей повод.

Назад они вернулись уже без первых торжественных пауз. Оксана наконец поставила банку с цветами на стол. Стол слегка качнулся; вода плеснула через край.

— Ты так его и не починил.

— Я подкладывал картон.

— Картон называется «отложил».

Она переставила цветы на подоконник рядом с базиликом. Наталья подсунула под ножку сложенную салфетку. Андрей хотел сказать, что у него есть нормальный кусок дерева, но понял, что это прозвучит ещё хуже.

За чаем Оксана достала из сумки блокнот. Они с братом договорились обсудить смету сегодня. Андрей, однако, почувствовал себя неуютно: при Наталье особенно не хотелось признаваться, что красивое место с большими окнами пока существовало для него главным образом в воображении.

— Значит, вот, — сказала Оксана. — Хозяин скинул только половину залога. На ремонт арендных каникул не даёт. Электрику делаем сами, вентиляцию тоже.

— Вентиляцию нужно сначала посмотреть.

— Посмотреть — да. Рассчитывать, что она существует, — нет. Я могу внести столько, сколько сказала. Больше у меня не появится, даже если стол у нас теперь межобластной.

Она повернула блокнот к нему. Андрей взглянул на цифры, потом на фотографию помещения в телефоне. Цифры были неприятные, фотография хорошая. Он начал мысленно сдвигать один платёж, другой, уменьшать оборудование и расширять будущее время, в котором всё непременно оккупится.

Наталья тихо спросила, можно ли взглянуть. Оксана поддвинула ей блокнот.

— Я не смогу проверить за чаем, — предупредила Наталья. — Тут нужны исходные данные. Но у вас вода, похоже, два раза учтена, а вытяжка — ни разу.

Она провела ногтем по строкам. Андрей увидел, как меняется её лицо, когда появляется знакомая задача: исчезает осторожность, взгляд становится быстрым, голос ровнее.

— Это я набросал, — сказал он.

— Тогда понятно, почему подрядчик доволен.

Оксана рассмеялась, а Андрей на секунду ощутил укол. Ему хотелось, чтобы Наталья увидела за цифрами то, что видел он: длинный тёплый день, открытое окно, запах еды сре-

ди цветов. В блокноте от этого остались только расходы.

— Можно начать меньше, — предложила Оксана. — Мне нужна витрина и рабочий стол. Тебе пока два вечера в неделю на чужой готовой кухне. Мы пробуем общие заказы. Потом решаем про аренду.

— На чужой кухне всегда чужие условия.

— На своей тоже. Просто счета твои.

Наталья закрыла блокнот и вернула его Оксане.

— Если хотите, я в выходной посмотрю перечень. Не проект, только что они вам вообще продают за эти деньги.

Андрей уже хотел согласиться за обоих, но Оксана опередила:

— Сколько будет стоить?

— Такой просмотр — ничего. Если понадобится считать работу, договоримся отдельно.

— Тогда спасибо.

Тема закончилась раньше, чем Андрей успел её спасти. Сестра убрала блокнот и спросила Наталью, давно ли та живёт здесь. Разговор перешёл на квартиры, старые вещи, невозможность выбросить банки с неизвестным содержимым. Андрей молча наливал чай и понемногу переставал обижаться. Никто не сказал, что ресторан ему не нужен. Просто сегодня его не открыли.

Через час Оксана собралась. Она забрала пустую банку из-под печенья — цветы Наталья переставила в невысокий стакан — и попросила разрешения ещё раз выйти в Яро-

славль. Самостоятельно, на пять минут.

Наталья дала ей ключ от подъезда и проводила до своей входной двери. Андрей остался у стола. Ему было странно, что сестра, знавшая его все тридцать восемь лет своей жизни, хотела побыть с чудом без него. Он почти пошёл следом, но остановился. В окно было видно, как над соседним двором поднимается маленький воздушный змей; его зацепило за ветку, и снизу кто-то пытался дёргать верёвку.

Оксана вернулась через пятнадцать минут с небольшим пакетом.

— Что купила? — спросил Андрей.

— Хлеб.

— У нас хлеба нет?

— Здесь есть. Того не было.

Она вынула круглый каравай, отломил кусочек и протянула Наталье. Потом брату. Корка хрустнула, на стол посыпалась крошка.

— Я всё время думала, что только ты такое можешь придумать, — призналась Оксана. — Но это ведь не ты.

— На этот раз нет.

Она коснулась его плеча, попрощалась с Натальей и ушла через его коридор.

Наталья поставила чашки в мойку.

— Она хорошая.

— Да. Но не говори ей часто. Начнёт брать за консультации.

— Так ты и так платишь. Только иногда сразу, а иногда потом.

Он не нашёлся с ответом, и она, заметив его лицо, мягко добавила:

— Я тоже так делаю. С Любой.

Они вымыли посуду вдвоём. Наталья мыла, Андрей вытирал; через несколько минут он поймал себя на том, что ждёт следующую чашку, хотя мог бы заняться столом. Ему не хотелось прерывать этот маленький общий порядок. Рядом стояла женщина, о существовании которой три дня назад он не знал, и брала его посуду уверенно, но бережно, словно знакомялась с каждой вещью отдельно.

— Ты в Ярославле успел что-нибудь увидеть? — спросила она.

— Твой двор. Он прекрасен. Особенно женщина с тряпкой.

— Тогда пойдём. Пока светло.

Они вышли через её квартиру. Наталья переоделась в лёгкую куртку, Андрей проверил телефон и машинально взял паспорт, хотя во дворе его никто не просил. На лестнице пришлось посторониться: сосед нёс длинную деревянную планку, задевая ею стены. Наталья поздоровалась и придержала ему дверь. Андрей едва не засмеялся при виде планки, но удержался.

До набережной они ехали, потом шли пешком. Наталья показывала повороты короткими движениями руки, иногда

замедлялась, чтобы дать ему рассмотреть здание, но не начинала экскурсию без просьбы. Он был ей благодарен. В чужом городе хотелось сначала увидеть воду, людей, небо между крышами, а названия могли подождать.

У Волги они остановились возле ограды. Река оказалась шире, чем Андрей ожидал по фотографиям. На воде тянулась светлая полоса, и далеко, почти без звука, шло судно. Наталья смотрела не на реку, а на него.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Думала, скажешь: у нас море лучше.

— Я могу сказать. Но не уверен, что меня потом пустят домой.

Она засмеялась и пошла дальше. Андрей держался рядом, приспособив шаг. По дороге они купили по мороженому. Его оказалось слишком сладким, её — слишком твёрдым. Наталья предложила поменяться, и обмен произвёл на него нелепо сильное впечатление. До сих пор все передачи между ними относились к ложкам, ключам, вещам, которые надо было проверить. Теперь она просто протянула ему начатое мороженое.

Они сели на скамью. Наталья рассказывала о месте, где училась, о первой работе, на которой нужно было распечатывать чертежи на принтере, зажёвывавшем каждый третий лист. Андрей рассказал, как однажды на выездном ужине перепутал коробки и привёз вместо тарелок тридцать одинаковых вазочек.

— И что делал?

— Подал в них закуску. Всем понравилось. Потом месяцы спрашивали, не могу ли повторить.

— А ты?

— Повторил. Только уже специально, и получилось скучнее.

Наталья повертела в пальцах деревянную палочку от мороженого. На ней осталось крошечное белое пятнышко.

— Я обычно боюсь такого. Что не привезут тарелки.

— Кто-нибудь должен бояться. Иначе я бы вообще их не возил.

Она улыбнулась, но потом посмотрела на реку и сказала серьезнее:

— Иногда надоедает быть тем, кто боится за тарелки.

Андрей услышал в этой фразе больше, чем мог сейчас расспросить. Он положил свою палочку рядом с её ладонью и не стал отвечать утешением. Внизу по дорожке проехал мальчик на велосипеде, вслед за ним бежал отец, одновременно смеясь и сердясь. Мальчик остановился слишком резко; отец успел схватить руль и сел прямо на корточки, тяжело дыша. Они с сыном посмотрели друг на друга и рассмеялись уже вместе.

— В субботу я свободен, — сказал Андрей. — Если ты хочешь, покажу тебе море. Обычным поездом из Калининграда. До моря у меня пока дверь не проложена.

— Хочу.

Наталья ответила сразу, затем посмотрела на него с чуть вызывающей улыбкой.

— Значит, договорились, — сказал он.

Они вернулись поздно, когда над рекой уже густели тени. В кухне горел только маленький светильник над мойкой: Андрей оставил его включённым. Цветы Оксаны тянулись из стакана в стороны, базилик возле окна немного выпрямился.

Наталья взяла сумку и собиралась уходить к себе, но остановилась у стола. Салфетка под ножкой размокла: из банки с цветами успело натечь немного воды. Она вытащила бумагу, и стол опять качнулся.

— Сейчас сделаю, — сказал Андрей.

Он принёс из кладовки тонкую дощечку и маленькую пилу. Наталья держала ножку, пока он примерял подкладку. Потом присела ниже, чтобы увидеть, куда её лучше поставить.

— Тут написано что-то.

Андрей не сразу понял, где. Наталья показывала на нижнюю сторону столешницы, ближе к краю. Он лёг плечом на пол, включил фонарик телефона. Под мутным старым лаком тянулись тонкие тёмные буквы. Их кто-то вывел аккуратно, приподнимая инструмент на каждой новой строке.

— «Рига», — прочла Наталья. — Дальше не вижу.

Андрей передвинул свет. Плечом он упирался ей в колено, а она придерживала край стола, чтобы не сдвинуть ему на голову.

— «Завтрак был прекрасный», — прочёл он. — «Спасибо, что дождались».

Они молчали. Из-под стола всё выглядело иначе: огромные снизу стулья, маленькая полоска света возле двери, её рука на деревянном крае. Андрей вдруг представил другого человека в том же неудобном положении, много лет назад выводящего эти слова.

— Подпись есть? — спросила Наталья.

Он посветил дальше. В самом углу стояла буква «М», за ней ещё что-то, стёртое до светлой царапины. Ни даты, ни фамилии разобрать не удалось.

Андрей сделал несколько фотографий. Затем они поднялись и осторожно перевернули стол на бок, предварительно убрав всё со столешницы. Стол оказался тяжёлым, Наталья раскраснелась от усилия. Внизу обнаружились ещё две строки: одно короткое слово, похожее на «Лиепая», и отдельно — «Глеб, не забудь стул».

— Кажется, у нас не первые гости, — сказала Наталья.

Андрей провёл пальцем рядом с надписью, не касаясь букв. Он прожил с этим столом почти четыре года. Ел за ним, чинил велосипедную фару, заполнял заявления, ставил на дерево горячие кастрюли, за что тётка ругала его даже по телефону. Под всем этим кто-то терпеливо благодарил за завтрак.

— Борису ещё раз напишу, — сказал он.

— Кто это?

Андрей рассказал про тётку, фургон и старую мебель. Наталья показала на телефоне объявление, по которому купила свою раму: снимок был сохранён в переписке. Продавец называл её «дверной комплект, реставрация частичная»; в углу фотографии виднелся край ещё одного стола.

Они посмотрели друг на друга поверх перевёрнутой мебели.

— Завтра позвоню продавцу, — сказала Наталья.

— А море в субботу?

— Море оставляем.

Он подложил дощечку, и они вернули стол на ноги. На этот раз он стоял ровно. Наталья надавила ладонями на противоположные углы, проверяя. Потом поставила цветы обратно в середину, туда, где им, по её мнению, было место.

Глава 5. Комплектность

Продавец рамы ответил в обед и первым делом спросил, что сломалось.

— Ничего, — сказала Наталья. — Наоборот.

— В каком смысле?

— Хорошо работает. Я хотела узнать, откуда она.

Он выслушал вопрос, помолчал и предложил написать в переписку номер заказа. Наталья напомнила, что заказы у них были устроены просто: она перевела ему деньги, он привёз дерево, они вдвоём поднимали длинный боковой брус на третий этаж. Мужчина вспомнил.

— А, кухня. Вы ещё спрашивали, почему деталь отдельно. Нашли её?

— Нашла. В картоне была.

— Ну вот. Всё комплектное. Я проверял.

Его звали Фёдор. В его объявлениях были старая мебель, двери, ручки, иногда светильники. Он заговорил с той осторожной вежливостью, которую Наталья знала по работе: так разговаривали с заказчиком, внезапно заинтересовавшимся толщиной оплаченного материала.

Наталья сказала, что возвращать ничего не собирается. Фёдор немедленно смягчился.

— Из Рыбинска привёз. Там мастерскую освобождали. Старик отдал целую кучу. У него полжизни в гараже лежало.

— Его случайно не Глеб зовут?

— Глеб Осипович. А вы знакомы?

Наталья крепче прижала телефон к уху. В коридоре за её спиной Люба спорила с курьером, который приехал в соседнюю организацию и не мог поверить, что их одинаковые двери ведут в разные фирмы. Наталья отошла к окну.

— Нет. На другой вещи было написано имя. Я подумала, вдруг.

— Может быть. Он столяр. Только сейчас почти не работает.

— Можно с ним связаться?

— Я чужие номера просто так не даю. Спрошу у него. Вам зачем?

Она посмотрела на собственное отражение в стекле. «Установила вашу дверь и попала в Калининград» звучало плохо в любом варианте. Пришлось сказать часть правды:

— Хочу восстановить историю комплекта. У знакомого нашлась похожая рама, и стол с надписью. Может быть, это его работа.

— Фотографии присылайте, — сказал Фёдор. — Раму обязательно целиком. И знак, если сохранился. Я ему покажу.

Она отправила снимки, сделанные вечером, и фотографию своего проёма. Потом набрала сообщение Андрею: «Нашла Глеба. Живёт в Рыбинске. Пока только через продавца». Прочла и добавила: «Возможно, того самого».

Ответа не было; наверное, Андрей был занят. Наталья вернулась за стол и несколько раз подряд проверила формулу, которую обычно узнавала с первого взгляда. Цифры стали упорно напоминать адреса.

Фёдор перезвонил ближе к концу дня. Глеб Осипович посмотрел фотографии и просил снять верхнюю деталь с двух сторон. На вопрос про завтрак в Риге он сразу не ответил, зато пожелал знать, есть ли у рамы маленькие треугольные выемки в пазах.

— Вы сами сможете? — спросил Фёдор. — Только не сломайте. Или привезите планку, я сниму нормально. До восьми здесь.

Наталья обещала заехать. Потом написала Андрею, что понадобится ненадолго отключить проход. Он отозвался почти сразу:

«Я уже на смене. Базилик здесь. Забирай, что нужно. Не застрянь у меня».

Наталья улыбнулась последним словам. Всего несколько дней назад она требовала поставить сковороду и выйти.

После работы Наталья поднялась домой, взяла небольшой конверт из плотного картона и табурет. На кухне тихо работал холодильник. Возле плиты лежала записка Андрея: «Рис в кастрюле. Если хочешь, добавь всё из миски. Это не для заказа». Рядом стояла миска с запечёнными овощами.

Она поела прямо у стола. В это время ей пришла фотография от матери: Роза Аркадьевна держала перед собой две

шляпы и просила выбрать, в какой ехать завтра в Кострому. Наталья выбрала соломенную. Мать ответила, что тоже, но та была чужая.

Закончив, Наталья вымыла тарелку, вернулась в свой коридор и сняла верхнюю вставку. Проход исчез, перед ней оказалась собственная кухня. В ней пахло замкнутым помещением: несколько дней она не открывала окно. Наталья зашла, проветрила, полила оставшуюся на полке маленькую толстянку. На столе стояла чашка, которую она использовала для опыта. Рядом лежала книга рецептов, открытая ещё в воскресенье на странице с супом.

Впервые возвращение своей кухни не принесло облегчения. Здесь всё было разумно расположено, ничего не качалось, ножи лежали в ящике лезвиями в одну сторону. Наталья задержалась возле окна, поправила занавеску и выключила свет, хотя было ещё светло.

Фёдор работал в длинном помещении на окраине города. По обе стороны прохода стояли шкафы, стулья и свёрнутые ковры; у стены лежали несколько рам, очищенных наполовину. Наталья успела трижды сказать себе, что ничем это место не отличается от обычного склада, пока пробиралась к столу продавца.

Фёдор оказался моложе, чем она помнила по доставке. Тогда он был в шапке и толстовке, теперь — в серой футболке и очках, сползавших на нос. Он развернул картон, выложил вставку на чистую ткань и зажёг лампу.

— Хорошая вещь, — сказал он. — Сейчас такой сухой материал ещё поищи.

Наталья смотрела на его руки. Он касался дерева осторожно, без той торопливости, с которой недавно принимал оплату и спускался по лестнице. Ей стало неловко за утреннее подозрение, будто он просто хочет от неё отделаться.

Фёдор снял деталь сверху, сбоку, потом измерил линейкой две выемки и сфотографировал рядом с делениями. На торце под слоем лака обнаружилась цифра «2». Наталья наклонилась ближе.

— Значит, первая где-то есть?

— Может, номер сборки, — ответил он. — Я при разгрузке не сверял. У Глеба спросим.

Он отправил фотографии и поставил телефон на подставку. Пока ждали, Наталья прошлась вдоль рам. Одна была почти такой же формы, с теми же широкими боковинами, только темнее. Она присела, пытаясь увидеть верхнюю деталь.

— Эта из того же места? — спросила она.

— Не помню. Возможно. Нужна?

— Пока смотрю.

— Смотрите. Только она без створки.

Наталья представила её установленной у кого-нибудь в квартире. В Ярославле, в Казани, у матери. По спине прошёл холодок, но не страшный: тот, который бывает, когда слишком быстро открывается много возможностей. Если таких рам десятки, кто-то прямо сейчас, наверное, стоит с чашкой

в чужой кухне.

Фёдор подошёл и посмотрел на неё поверх очков.

— С этой осторожно. Нижний угол подгнул. На фото можно не заметить.

Он показал пальцем тёмное место. Наталья коснулась дерева и почувствовала, как оно чуть подаётся.

— Спасибо.

— Вы же не декоративную арку хотите?

Она не успела придумать ответ: зазвонил телефон. Фёдор взял трубку, выслушал и, прикрыв микрофон ладонью, спросил, согласна ли она поговорить с владельцем. Наталья кивнула.

На экране появился пожилой мужчина в клетчатой рубашке. Камера смотрела снизу, отчего было видно главным образом подбородок, щёку и полоску потолка. Мужчина некоторое время поворачивал телефон, потом раздражённо сказал кому-то: «Не трогай, я вижу».

— Наталья? — спросил он.

— Да. Здравствуйте.

— Глеб Озеров. Покажите мне лицо, а не лампу.

Фёдор развернул телефон. Наталья придвинула стул и села.

— Теперь вижу, — сказал Глеб. — Дверь стоит?

— Стоит.

— Прямо стоит? Не перекосили?

— Мастер ставил. Хорошо.

Он помолчал, глядя мимо камеры.

— А другая где?

Наталья почувствовала, как Фёдор рядом перестал перебирать какие-то бумаги.

— В Калининграде.

Глеб опустил голову. На экране осталась его макушка. Потом он поднял телефон выше, так что впервые стало видно лицо целиком: узкое, сухое, с внимательными серыми глазами.

— Далеко уехала, — сказал он.

— Вы знаете, что они делают?

Фёдор перевёл взгляд с экрана на Наталью.

— Двери? — переспросил он.

Глеб как будто не услышал. Он попросил показать нижнюю сторону стола ещё раз. Наталья открыла на своём телефоне снимок и поднесла его к камере. Получилось плохо: экран бликовал. Фёдор забрал оба аппарата, устроил их под углом, и наконец надпись стала различима.

— Марта, — сказал Глеб.

Наталья не сразу поняла, что это имя. В его голосе появился такой светлый, сердитый смех, будто человек вспомнил давнюю проделку, за которую до сих пор готов был пожурить приятеля.

— Кто такая Марта?

— Писала это она. Я думаю. Почерк её. Хотя тогда все под столом сидели, кто там разберёт... А стул нашли?

— Какой?

Глеб махнул рукой.

— Потом. Телефон ваш мне оставьте. Здесь ничего не видно. И раму больше не продавайте.

— Я не собиралась.

— Хорошо. А приехать можете? В Рыбинск. Только в понедельник, раньше меня не будет.

— Могу вечером.

— Вечером я тоже человек. Лучше днём. Я вам адрес отправлю. И друга вашего возьмите, если он захочет. Который в Калининграде.

Наталья обещала узнать. Фёдор записал её номер, передал Глебу, и разговор закончился.

Некоторое время они оба смотрели на погасший экран. Потом продавец спросил:

— Что двери делают?

Наталья взяла деревянную вставку и начала заворачивать её в картон. Можно было придумать смешное объяснение, уйти в разговор о реставрации, сказать, что пожилой человек перепутал. От этого Фёдор выглядел бы глупее, чем был, а ей самой пришлось бы запоминать ложь.

— Я пока не хочу об этом говорить, — сказала она. — Простите. Дело не в вас.

Он посмотрел на неё, потом на деталь.

— Я понял. Если вещь не опасная и денег обратно не надо, можете не говорить.

— Денег не надо.

— Уже хорошо.

Наталья заплатила ему за время, хотя он сначала отказывался, и вышла со свёртком под мышкой. Солнце било вдоль дороги, машины поднимали сухую пыль. У остановки стояли две девушки с бумажными стаканами и обсуждали чужую свадьбу. Наталья достала телефон: от Андрея было сообщение «Как прошло?»

Она набрала «Очень странно», посмотрела на слова и стёрла.

«Есть живой человек, который помнит стол. И Марту из Риги. В понедельник зовёт нас в Рыбинск».

Ответ пришёл не сразу. Андрей, вероятно, был занят у плиты. Наталья дождалась автобуса, села у окна и прижала картон к коленям. Старая деревянная деталь выглядывала из края свёртка, такая незаметная, что рядом с ней можно было держать продукты, зонтик, цветы — всё, что угодно.

Дома она сначала поставила вставку на место. В чужой кухне горел свет, но Андрея ещё не было. Она подошла к столу, присела и провела пальцем возле надписи, как вчера делал он. «Спасибо, что дождались». Теперь у этих слов появилось живое имя.

Наталья выпрямилась, открыла календарь на телефоне и написала Любе, что в понедельник хочет взять день в счёт отпуска. Через минуту пришло: «Закрой завтра лестницы и езжай». Наталья отправила короткое «Закрою» и почувство-

вала удовольствие от странной точности фразы.

Андрей вернулся после одиннадцати по её времени. Она уже собиралась спать, но услышала два коротких сигнала и вышла в кухню в том самом синем халате. Он стоял у стола с бумажным пакетом и выглядел усталым, но довольным.

— Понедельник поменял, — сказал он. — Поедем. А это тебе. Не с работы, по дороге купил.

В пакете лежала маленькая булочка с маком. Наталья отломилась половину и протянула ему.

— Я только имя пока узнала. Больше он ничего не объяснил.

— Уже больше, чем было утром.

Они ели булочку стоя у стола. Мак прилипал к пальцам, Андрей всё время зевал и извинялся. Наталья рассказала ему про цифру на торце, похожую раму и Фёдора, который честно показал подгнивший угол. Он слушал без попыток закончить историю за неё.

Потом она достала из кармана картонную обёртку и показала ему, где лежала вставка. Андрей посмотрел на неё, на табурет возле двери и неожиданно сказал:

— Я весь вечер боялся, что ты передумаешь ставить обратно.

Наталья задержала руки на картоне.

— Я рис у тебя оставила.

Он улыбнулся, но взгляд у него оставался серьёзным. Она положила обёртку на стул.

— И в субботу мы на море, — добавила она.

— Да.

Она ушла к себе, оставив створку неплотно прикрытой. Через щель падал тёплый свет. Андрей ещё некоторое время ходил по кухне, мыл чашку, наливал воду. Наталья лежала в постели и слышала эти звуки, пока один за другим не стихли.

Глава 6. Море своим ходом

В пятницу Наталья всё-таки закончила лестницы. Работать в праздничный день она собиралась час, но провозилась почти три: одна площадка на двух чертежах отличалась на сорок сантиметров, и эти сорок сантиметров не желали исчезать от того, что все отдыхали. Отправив Любе исправленный файл, Наталья закрыла ноутбук и отнесла его в спальню. Ей хотелось убрать работу с глаз, как убирают вымытую посуду перед приходом гостей.

Вечером Андрей постучал и спросил, во сколько завтра выходить. Она назвала время, которое оставляло запас на всё — дорогу, билеты, ошибочный поворот и, вероятно, небольшой перенос вокзала.

— Ты так рано обычно путешествуешь? — удивился он.

— Я обычно опаздываю начать.

Он помолчал, потом согласился.

Утром Наталья вышла к нему с рюкзаком. Внутри лежали вода, салфетки, лёгкая куртка, запасные носки, яблоки и полотенце. Андрей посмотрел на рюкзак, потом на её лицо и благоразумно ничего не сказал. Сам он держал небольшую сумку через плечо.

— Паспорт, телефон, ключи, — перечислила она.

— У меня тоже.

— Я себе.

— Тогда всё хорошо.

Перед уходом они оба оглянулись на две двери. Наталья собралась запереть свою на защёлку, но остановилась с ключами в руке: защёлка оставалась в её коридоре, а уйти они собирались через Андреев. Она рассмеялась над собственной привычкой.

— Вот этого я ещё не продумала.

Андрей стоял у стола и ждал, не предлагая решения. Наталья прошла обратно в квартиру, проверила входную дверь, окна и вернулась в кухню. Сосновую створку она просто прикрыла: квартира со стороны лестницы была заперта, а в Андрееву они входили вдвоём и вдвоём уходили.

— Теперь, — сказала она.

На Северном вокзале оказалось много людей с таким же намерением. Кто-то нёс пляжный коврик, кто-то складной зонт, маленькая девочка держала розовый круг, почти равный ей по росту. Наталья почувствовала себя частью разумного, заранее сложившегося движения. Здесь никто не удивлялся, что она едет к морю; для этого, оказывается, существовали билеты, платформа и двери вагона.

Андрей предложил кофе. Наталья посмотрела на время, потом на очередь, потом опять на время.

— Успеем, — сказал он.

Она уже хотела ответить, что лучше в поезде, но кивнула. Он принёс два стакана, и они вошли в вагон среди последних, не опоздав ни на секунду. От этого у Натальи одновре-

менно улучшилось настроение и возникло раздражение: её лишние полчаса не понадобились.

Они сели рядом с окном. Снаружи медленно поплыли люди на платформе, металлические столбы, край навеса. Андрей положил сумку на колени, откинул голову и закрыл глаза.

— Ты спишь?

— Нет. Проверяю, можно ли.

— Можно.

Он открыл один глаз.

— Ты не обидишься?

— Я на поезд смотрю. Он пока интереснее.

Андрей улыбнулся и действительно задремал. Наталья смотрела на проплывающие дома, зелень, короткие полосы воды. Она думала, что должна чувствовать что-то особенное: всего неделю назад поездка казалась отдельным большим делом, теперь умещалась между завтраком и ужином. Но вместо восторга ощущала приятное освобождение от надобности что-нибудь объяснять. Никто не спрашивал, почему она выбрала этот маршрут, не ждала отпуска, не поехала с подругой. Даже Андрей спал, оставив её в покое рядом с собой.

У него на запястье был светлый след от часов. Самих часов не было. Наталья заметила это и отвернулась к окну, сердясь на себя за внимательность, которая всё чаще выбирала его руки вместо пейзажа.

В Зеленоградске он проснулся, как только поезд замедлил

ход, и первым поднялся с сиденья. Вышел, поднял голову к небу и сказал, что день хороший. Наталья собиралась спросить, откуда он знает, но тут увидела людей, которые шли в одном направлении с решимостью, не требующей прогноза.

К морю они подошли не сразу. Андрей свернул на улицу, где пахло выпечкой, и долго выбирал, что купить. Продавщица спокойно ждала, как будто мужчины его возраста каждый день спорили с собой перед витриной. Наталья выбрала булочку с корицей.

— Ты даже не посмотрела остальное.

— Я это хочу.

Он улыбнулся и взял такую же.

За поворотом открылся променад, а за ним море. Наталья остановилась так резко, что Андрей едва не задел её плечом. На фотографиях вода всегда помещалась в кадр. Здесь она продолжалась за пределами того, что удавалось охватить взглядом; дальняя линия была ровная, спокойная, слишком большая для привычных городских расстояний.

Она положила ладонь на ограду. Металл нагрелся на солнце. Внизу волна отступала от песка, оставляя тёмную блестящую полосу, за ней приходила следующая.

— Пойдём вниз? — спросил Андрей.

— Сейчас.

Он отошёл на пару шагов, давая ей место. Наталья достала телефон, сделала снимок, посмотрела на маленькое изображение и убрала аппарат. Снимок был прекрасный, но со-

вершенно недостаточный.

Они спустились к воде, сняли обувь и пошли по мокрому песку. Андрей нёс кроссовки в одной руке, сумку в другой. Наталья повесила свои на два пальца и через несколько шагов пожалела: они всё время били её по ноге. Она остановилась, переложила их в рюкзак, достала полотенце, снова убрала. Андрей наблюдал с выражением человека, который хочет предложить помощь и понимает, что лучше немного подождать.

— Я первый раз так, — сказала она сердито.

— Я вижу.

— Не с обувью. Вообще.

Он перестал улыбаться.

— Знаю.

Вода была холодной. Наталья вошла по щиколотку, взвизгнула от неожиданности и тут же рассмеялась. Андрей стоял рядом, не пытаясь уговорить идти дальше. Маленькая волна ударила ему по голени, и он тоже дёрнулся.

— Очень опытный, — заметила Наталья.

— Опыт не нагревает воду.

Она шагнула глубже, потом отступила, оставив на песке два быстро исчезающих следа. Под ногой попался гладкий камешек; Наталья подняла его и стала тереть большим пальцем. Серый, с белой жилкой, совершенно обыкновенный. Она решила взять его домой и тут же задумалась, в какую из кухонь положит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.